

*Ю.А. РОМАНОВ
(Харьков)*

ФЕНОМЕН КРАСОТЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДМИТРИЯ КАРАМАЗОВА

К проблеме красоты Дмитрий Карамазов обращается в своих нравственных исканиях неоднократно. Непостижимость красоты, ее загадка, ее таинственность - это то, о чем, по собственному признанию, «болит» его душа; это то, о чем он всякий раз готов говорить, и говорить исповедально.

Чтобы понять значение красоты для Дмитрия, достаточно упомянуть его знаменитые, ставшие уже для многих поколений хрестоматийными, слова: «Красота - это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая... (...) Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек... я бы сузил. Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и си-

лит для огромного большинства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы - сердца людей» (14, 100).

В этих размышлениях Дмитрий противопоставляет два типа красоты: идеал Мадонны и идеал содомский. Нравственное постижение каждого из них и составляет предмет его духовных исканий.

По мнению В.Е. Ветловской, идеал Мадонны для Дмитрия заключается в природной высоте, «на которую человек поставлен природой и Богом», в «исконном и бесспорном» человеческом «благородстве». Идеал содомский означает для него «ту красоту, какую человек находит в преступлении всех границ, любых и всяких, включая те, которые положены самой природой», т.е. в «апологии безбрежного своеволия», низводящего на уровень «насекомого» или «зверя»¹.

Важно сказать, что хотя «исповедь горячего сердца» Дмитрия звучит на духовном изломе, это происходит еще до грянувшего «грома» - насильственной смерти отца и последовавшего за ней судебного преследования. Лишь после этого Дмитрий «ощутил» воскресение в себе самом «нового человека», готового «пострадать» и «страданием» очиститься.

До этого «удара судьбы» ощущение Дмитрием идеала Мадонны - сродни восприятию идеала «подпольным» человеком. (Интересно отметить, что цитируемые Дмитрием стихи Гете и Шиллера, отражающие идеал, так же как и «прекрасное и высокое» человека из «подполья», - из одного источника: восходят к эстетическим трактатам XVIII века (см. 5,383).

«Подпольный» герой, противопоставивший идеалы «прекрасного и высокого» обыденному миру «непосредственного человека и деятеля», мыслил как Человекобог, отводя для себя роль, как минимум, Наполеона. Осознание собственного несоответствия идеалу приводило к самоказни: «подпольный» герой «внутренно, тайно, грыз», «пилил и сосал себя» до того, что ощущал в самоказни «решительное серьезное наслаждение» - «наслаждение от ... сознания своего унижения», наслаждение отчаяньем («до последней стены дошел») (5, 102), открывая для себя странную красоту - красоту в содоме - не менее значимую, чем идеал.

Данное обстоятельство проливает свет на казалось бы неразрешимый риторический вопрос «подпольного» героя о том, отчего «в те самые... минуты», когда он «наиболее способен был сознавать все тонкости всего "прекрасного и высокого"» как раз и «случалось» совершать наиболее «неприглядные деянья» (5,102).

Оно помогает дать ответ и на духовные терзания Мити, отраженные в его знаменитых словах о человеке «с умом высшим», начинавшем с идеала Мадонны, а закончившим идеалом содомским. В идеале содом-

ском - не менее значимая красота, чем в идеале Мадонны, и таковой она будет до той поры, пока люди будут воспринимать идеал с позиций Человекобожества, до тех пор, пока будет «подпольная», до наслаждения, самоказнь - в своей влекущей и пленяющей красоте.

В образе Дмитрия выражен тот же мотив «подпольного» самоуничтожения, что и у человека из «подполья» - недаром свое нравственное падение («низость и подлость», «воровство», «глубокий позор разврата»), падение в «бездну» «головой вниз и вверх пятami», Дмитрий называет красотой: «даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой» (14, 99).

Нелегкий путь пройдет Дмитрий Карамазов прежде чем вылечится от заражения красотой содома: не в эстетизации «последней стены» будет искать красоту, а в осознании своей малости перед Богом и людьми, ощущении «вины за всех», нравственном смирении и покаянии; ощущении величия Богородицы, заступившейся за него и удержавшей от страшного греха отцеубийства, - так откроется ему идеал красоты истинной, красоты Богоматери, идеал Мадонны.

¹ Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2007. С. 362.